

ПОДВИЖНИЦЫ
ВЕРХНЕГО
ЕГИПТА

Преподобная
ИСИДОРА
ТАВЕННСКАЯ,
Христа ради юродивая¹

Первый общежительный мужской монастырь, знаменитое Тавеннское братство, основал преп. Пахомий Великий (ок. 292 — ок. 346 или 348) в Верхнем Египте, на правом берегу Нила. Но Господу было угодно, чтобы преп. Пахомий положил начало и женскому общежительному монашеству. И случилось это самым естественным и вместе чудесным образом.

У преп. Пахомия в миру осталась сестра. И вот после долгой разлуки, когда слух о святости жизни и духовной мудрости Пахомия прошел по всему Египту, сестра его решила отправиться в Тавеннскую обитель, чтобы увидеться с братом и лично убедиться в чудесах, которые, как говорили повсеместно, Бог совершал через Своего верного служителя.

Она добралась до обители. И что же? Пахомий не согласился повидаться с сестрой, чтобы не нарушать своего правила — не говорить ни с одной

женщиной. Однако он передал ей, что по милости Божией здоров и просит ее возвратиться домой, не сожалея, что не смогла увидеть его глазами тела, так как он постоянно молится о ней и потому духом всегда рядом. Дал он ей и совет — предложил поразмыслить, не признает ли она полезным последовать его примеру в образе жизни с твердым упованием, что Господу будет угодно такое действие ее и что она, по Его милосердию, может быть, привлечет к чистой жизни и других женщин. Пахомий просил сестру не торопиться, глубоко и здраво обдумать его совет и, если она примет его предложение, уведомить его, так как потребуется немало времени на построение монастыря.

Сестра Пахомия, никак не ожидавшая такого приема, сначала горько плакала, но в то же самое время Бог тронул сердце ее Своею благодатью, и следствием сего стало внезапное и неожиданное для нее самой желание немедленно согласиться на предложение брата. Решимость сестры на святые подвиги обрадовала Пахомия, и немедля он приступил к постройке женской обители. Для нее он выбрал место, называемое Мен и находившееся на противоположном от мужского монастыря берегу Нила.

Поселившись в обители, сестра Пахомия привлекла к святой жизни многих подвижниц и благодаря советам великого аввы стала достойной руководительницей вверившихся ей душ. Наставлениями и собственным примером отрешала она сердца их

от всего земного и возвышала души к благам небесным, негибнущим.

Новой женской обители преп. Пахомий дал почти такой же устав, как и в своем Тавеннском братстве, конечно с необходимыми изменениями. Так, например, монахини не носили милоть — козий кожух, который был постоянной одеждой его иноков; коротко стригли волосы и накрывали голову камиллавкой. Ручное их делание заключалось в тканье льна и шерсти, которые закупал главный эконом братства преп. Пахомия.

Ни один монах не допускался в женский монастырь без особого дозволения и какой-либо существенно важной причины. Братья и родственники приходили чрезвычайно редко, один или два раза в год, и не иначе, как в сопровождении испытанных старцев; посещаемую также сопровождала старица. Не дозволялось ни подносить подарков, ни принимать, так как монашествующему не должно иметь даже иглы и нитки собственной, все необходимое должно быть общим. Мирские разговоры были изгнаны, ибо все сие отягчает память вещами пустыми и ничтожными, мешает созерцанию, и единственным предметом бесед стали рассуждения о путях спасения души.

Монахи, выполнявшие в женском монастыре необходимые работы, не принимали в нем даже и пищи, а на трапезу возвращались к себе. Священник и диакон приходили в церковь только для

богослужения. Когда подвижница умирала, сестры с пением псалмов выносили тело на берег Нила, а монахи тавеннские с таким же пением, неся оливковые или пальмовые ветви, переправлялись из своего монастыря через реку, поднимали покойную и погребали на горе, где было общее Тавеннское кладбище.

Первым духовным отцом, которому преп. Пахомий доверил руководство сестрами, был инок Петр, почитаемый всеми за святость жизни. Вдов и девиц одинаково принимали в эту обитель; здесь были пострижены сестры преп. Петрония, одного из первых учеников аввы Пахомия, здесь же подвизались в иночестве мать, сестра и бабка преп. Феодора Освященного (316–368), любимого ученика преп. Пахомия.

К тавеннским подвижницам можно отнести слова блаженного Августина: «Монахини, следуя тем же правилам, служат Богу как бы еще с большею чистотою и рвением; не только отделенные, но и отдаленные от монастырей мужских, пособие которых им нередко необходимо, они терпят, бодрствуют и соединяются с ними лишь в молитвах, милосердии и подвигах; ни один мужчина не может даже приближаться к обители женской, и старцы испытанные, являясь туда лишь для доставления сестрам житейских потребностей, никогда не входят в келью, а только в общие сени. Пустынницы изготовляют шерстяные и льняные изделия как

для себя, так и для братий, от которых взамен получают необходимое для жизни».

Преподобный Пахомий почил около 348 года, сестра же его окончила свой подвижнический путь, вероятно, не позднее 355 года.

Палладий, епископ Еленопольский (ок. 363 — до 431), путешествовавший по Египту в 388—404 годах, застал в монастыре Мен до четырехсот монахинь; устав и строгость их жизни оставались неизменными. В «Лавсаике» Палладий рассказал о сестре Исидоре, проживавшей одно время в обители.

«Христа ради, — писал он, — она показывала себя юродивою и безумною, избрав сей род подвижничества по своему редкому смирению и самоуничижению. Другие до того презирали ее, что даже не ели с нею, а она принимала это с радостью. Служа в поварне, она исполняла всякое послушание для всех сестер, как покорная рабыня, готовая на всякую службу. Сия блаженная была, как говорится, отребьем монастыря и самым делом исполняла написанное в Святом Евангелии: *а кто хочет между вами быть большим, да будет вам вслугою* (Мф. 20:26); также: *Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем тот будь безумным, чтобы быть мудрым* (2 Кор. 3:18). Другие девственницы, как уже постриженные, носили на голове куколи, а у нее голова всегда была покрыта ветхою повязкою. Из четырехсот сестер ни одна не видывала, когда она ела. За трапезу она никогда

не садилась, никогда не брала себе и ломтя хлеба, а довольна была крошками, собираемыми после стола, и остатками в сосудах, которые обмывала. Обuvi также она никогда не носила и, несмотря на все поношения, брань и презрение, какие многие оказывали ей, никого не обижала и ни словом не показывала ропота».

Но Господу было угодно обнаружить скрывавшиеся в ней добродетели. Подробно рассказывает о том, как это случилось, опять же Палладий. Одному отшельнику, жившему в Порфиритской пустыне, явился Ангел и спросил того: «Для чего ты превозносишься своими подвигами? Хочешь ли видеть женщину, более тебя благочестивую? Ступай в женский Тавеннский монастырь и найдешь там одну, которая носит на голове повязку, — она лучше тебя, всем служит различным образом и, хотя все презирают ее, сердцем никогда не отступает от Бога. А ты, сидя здесь и никогда не живши в мире, блуждаешь мыслию по городам».

Тогда сей отшельник, а звали его Питирим и был он учеником Антония Великого (ок. 251–356), пошел в Тавеннский монастырь и попросил тамошних старцев проводить его в женскую обитель. Там с радостью приняли его, как мужа, знаменитого между отцами и состарившегося в подвижничестве. Питирим изъявил желание видеть лично всех насельниц. Собрались все — не пришла одна Исидора. Питирим понял, что нет той, о которой говорил Ангел, и сказал:

— Приведите мне всех.

— Мы все здесь, — отвечали ему.

— Нет, — покачал головой он, — одной здесь нет.

— Так то безумная — она в поварне.

— Приведите и ее, — говорит Питирим, — дайте мне посмотреть на нее.

И сестры пошли позвать Исидору. Она же, почувствовав, что должно случиться, не хотела идти, но ее заставили.

Когда привели Исидору и Питирим увидел лицо ее и на голове у нее ветхую повязку, то пал ей в ноги и сказал: «Благослови меня, мать». И она, также упав ему в ноги, сказала: «Ты благослови меня, господин мой!» Сестры заговорили разом: «Авва! Не срами себя: она безумная!» — «Вы безумные, — отвечал святой старец, — а она лучше вас и меня — она мать наша, и я молюсь, чтобы оказаться равным ей в день Суда».

Услышав это, сестры с плачем пали ему в ноги, исповедуя, как много огорчали они Исидору. Одна говорила: «Я всегда смеялась над нею». Другая: «Я издевалась над ее смиренным видом». Иная: «Я оскорбляла ее, тогда как она молчала». А та: «Я часто выливала на нее помои». И еще: «Я била ее». И опять: «Я ударяла ее кулаком». Словом, все признавались в каких-нибудь оскорблениях, нанесенных Исидоре. Приняв их раскаяние, Питирим помолился о них вместе с нею и удалился из обители.

С тех пор сестры окружили Исидору уважением, все стремились оказывать ей услуги, просили прощения. Но святая, тяготясь такой славой, тайно удалилась из монастыря. Куда ушла она, где скрылась и где скончалась, осталось неизвестным.

Еще прежде Палладия рассказал эту историю св. Ефрем Сирийский, посетивший пустыни Египта в 371 году. Он изложил ее в своем «Сказании о юродивой».

Память преп. Исидоры, Христа ради юродивой, Церковь совершает 10 мая².

Преподобная
ТАИСИЯ
ЕГИПЕТСКАЯ
(Фиваидская)³

В первой половине IV века, как рассказывает в древних преданиях отцов, жила в Египте женщина по имени Таисия. Славилась она как необычайной красотой, так и крайним распутством. Тонкостям «ремесла» научила Таисию ее порочная мать. Уроки эти и редкая, необыкновенная красота сделали Таисию поистине страшной для душ, в обаянии ее было нечто магическое: жаждущие свидания с дорогой куртизанкой брали огромные займы и разорялись, люди богатые бросали к ее ногам целые состояния, из-за нее совершались убийства и самоубийства. Рассказами о порочной и роскошной жизни этой блудницы полнился весь Египет. Наконец о ней узнали и в отдаленных пустынях отшельников.

Авва Пафнутий, муж строгой подвижнической жизни, многих обративший на путь добродетелей, решил спасти ее с помощью Божией⁴. И действовать

он положил особым образом. Сняв с себя отшельническую одежду, в наряде богатого человека, с немалым количеством золота, которое открывало вход в жилище знаменитой прелестницы, Пафнутий явился в толпе обожателей Таисии.

Внутренним оком увидел Пафнутий, что в сердце этой женщины еще не совсем заглохли благие чувства. Она еще верила в Бога и была, как бы вопреки собственной воле, убеждена в неотвратимости будущего Суда правды. Но такие мысли только мелькали в душе ее, не доходили до глубины сердца, их заглушало пристрастие к наслаждениям, роскоши, плотоугодию.

Явившись пред Таисией, Пафнутий попросил назначить ему свидание в таком месте, в котором бы никто не смог увидеть их — не только люди, но и Сам Бог. Смеясь, красавица отвечала, что он просит невозможного, потому что Бог присутствует везде и видит все. Такого ответа святому мужу было достаточно: он понял, что душа Таисия готова к всеобъемлющему, полному покаянию. Живо представил Пафнутий блуднице весь ужас ее грехов, ведь она совершала их ежедневно пред глазами Всевидящего Бога, сознавая и присутствие Его, и неизбежность ответа. «О бедная душа! — сказал авва. — Чем же ты оправдаешься пред судилищем Творца за множество погубленных тобою душ, которых ты увлекла в бездну зла? за соблазны и распутства свои? за то, что обезобразила собственную душу, созданную Богом прекрасной?»

Таисия, никогда не слышавшая ничего подобного, поняла, что перед ней не светский грешный человек, но тот, кто послан Самим Богом. Она почувствовала, что он берет власть над ее умом и сердцем. Внезапно залилась она слезами и бросилась к ногам Пафнутия. «Отец святой, — говорила ему Таисия, рыдая, — спаси! Подвергни меня какому хочешь покаянию, требуй, приказывай — я исполню все! Я осознаю теперь всю мерзость моей жизни, знаю меру моей преступности, но знаю и то, что благость Божия может спасти меня за твои молитвы! Я готова, дай мне только три часа, — они необходимы, я явлюсь куда велишь».

Таисия велела собрать скопленные в ее доме богатства. Драгоценные убранства, ткани, бесчисленные предметы роскоши, стоящие огромных денег, были снесены ее слугами в кучи на городскую площадь. Таисия не сочла возможным обратить все это богатство в милостыню, она не решилась осквернить руки бедных стяжаниями греха и смертных преступлений — и зажгла сложенное в кучи добро. Перед собравшимся народом она громко исповедала свои преступления, просила прощения у всех и горячо призывала участников развратной ее жизни последовать ее примеру — покаяться.

Исполнив сие, Таисия явилась в назначенное место, чтобы вверить себя Пафнутию, как Самому Спасителю. Он отвел ее в женский монастырь и запер в отдельной келье, к дверям которой приложил

свинцовые печати, чтобы никто не дерзнул нарушить это заключение без его дозволения. Было оставлено только малое оконце, в которое Таисии подавались ежедневно небольшой ломоть хлеба и мера воды. Заключение таким образом, будто в гробе, Таисия просила Пафнутия только об одном: «Научи, как должна я молиться Богу?» — «Не дерзай, — отвечал он, — даже произносить Его имя! Ты недостойна сего. Не смей и воздымать к небу рук, оскверненных неисчислимыми преступлениями. Обратясь лицом к востоку, в смирении сердца и сокрушении духа, зови непрерывно: “Создатель мой, помилуй меня!”» Кающаяся подчинилась этому повелению.

Через три года Пафнутий, в сердце своем жалея грешницу, но не дерзая вопрошать Бога о том, отпущены ли Господом грехи ее, отправился к Антонию Великому, чтобы узнать о сем у него. Придя к великому пустынножителю, он не объяснил ему причины своего посещения, уверенный в том, что Бог Сам даст ответ, если то будет Ему угодно. Святой Антоний собрал учеников своих и призвал их провести ночь в усердной молитве и ожидать, соблаговолит ли Господь открыть кому-либо тайную причину прибытия блаженного Пафнутия. Открыта она была одному из них, Павлу, за крайнее смирение получившему наименование Препростого.

Павел видел в небе ложе неопишущей красоты и блеска, охраняемое тремя девами. Павел

с восторгом сказал: «Верно, это ложе готово для отца моего Антония». Тогда голос возвестил ему: «Нет, для обратившейся блудницы Таисии». Наутро Павел рассказал св. Антонию о видении, и Пафнутий, поняв, что Бог очистил кающуюся, немедленно отправился в монастырь, где находилась Таисия, снял печати и открыл дверь кельи.

Таисия кротко заметила, что несказанно возлюбила свое нынешнее жилище и желала бы здесь окончить жизнь, но, повинувшись воле аввы, покинула его. Она рассказала Пафнутию, что, исполняя наложенное на нее послушание, успела лишь в том, что собрала в груди перед мысленным взором все неисчислимое множество нечестий и преступлений своих и беспрерывно смотрела на них, в раскаянии не переставая обливаться их жгучими слезами. «За это, — отвечал ей старец, — а вовсе не за тесноту и строгость твоего заключения милосердный Бог простил тебе грехи, сколь бы они ни были страшны».

Таисия не прожила и пятнадцати дней по выходе из заточения. Омытая покаянием, разрешенная от грехов своих Господом, она ушла в горние обители Его. Память преп. Таисии Церковь совершает 8 октября.

Пафнутий за день до своей смерти рассказал о Таисии бывшим у него отшельникам, показывая на опыте, что нет состояния и положения, которые были бы достойны презрения, и что величайшие

преступники могут искренним покаянием достигнуть и прощения, и великих наград.

Почему преп. Таисии понадобилось лишь три года, чтобы изгладить свои грехи? Вспомним благо-разумного разбойника. Бог ищет не действий лишь внешних, а расположения сердца, чистоты внутренних побуждений. Он многих и не допускал до долголетнего искуса очистительных, суровых подвигов покаяния, не позволял вкусить мученичества, *всесожжения* не благоволил (см. Пс. 50:18). Он принимал первый их шаг за исполнение всего пути, глубину чувства и искренность, качество великого дела, так сказать, вмения в количество, и, быстро разрешая эти души, решимостью и желанием превосшедшие силы ада, как бы без труда для них возводил их в блаженство небесное.

Амма ТАЛИДА,
дева ТАОРА

и другие отшельницы
Фиваидские⁵

В Верхнем Египте, называемом еще Фиваидой, в IV–V веках было множество женских обителей. Руфин Аквилейский⁶ писал, что в одном только городе Оксиринхе проживало до двадцати тысяч женщин, посвятивших себя Иисусу Христу и составивших различные общины. В другом городе, по свидетельству Палладия, Антиное, было не менее двенадцати женских обителей, и везде отшельницы жили в строгом послушании, смирении, непрерывном труде и благочестии, и добродетельная их жизнь сильно и благодатно действовала на население Египта.

Об одном из антинойских монастырей, которым управляла амма (мать) Талида, рассказывает Палладий Еленопольский. Амма Талида отличалась кротостью, смирением и детской чистотой. Сестры, а их в обители насчитывалось шестьдесят, испытывали к настоятельнице такую глубокую любовь, уважение и истинную дочернюю привязанность, что по одному

слову ее вели жизнь праведную и чистую: личный пример аммы был действеннее, чем самые строгие правила благочиния. К тому времени, как обитель посетил Палладий, амма Талида прожила в монастыре восемьдесят лет. «Когда пришел я к ней и сел, — вспоминает Палладий, — она села подле меня и положила на мои плечи свои руки с изумительным упованием на Христа, сохраняющего чистоту ее помыслов». Амма Талида достигла высшей степени любви и полнейшего бесстрастия при глубокой духовной мудрости.

Ученицей аммы Талиды была дева Таора, с юности поселившаяся в этом монастыре и, в то время когда там был Палладий, уже тридцать лет жившая здесь. Красота Таоры, по словам Палладия, была столь необыкновенна, что даже самому твердому и очистившемуся от страстей человеку увидеть ее составляло истинную опасность для души. Но добродетель девы была превыше ее красоты. Она умела затемнять ее блеск, стройность стана одеждой, чрезвычайно неловко носимой, старой, почти рубищем; когда всем раздавали новую, она смиренно спрашивала, как милости, не переменять прежней, уверяя, что не может найти лучшей и более удобной, что она сроднилась с ней. Таора молилась и трудилась в своей келье безвыходно.

«Была и еще в Антиное, — пишет Палладий, — истинная девственница, бдительно совершавшая дело подвижничества. Она жила в дальнем от меня расстоянии». Палладий, путешествуя по пустыням

Египта, жил в том числе и в Антиное. «Я не видел ее в лицо, — продолжает он, — она, как говорили знавшие ее, никогда не выходила из кельи с тех пор, как отреклась от мира, и шестьдесят лет провела в подвижничестве вместе со своей матерью. Когда же наконец пришло время перейти ей из этой жизни в жизнь вечную, явился ей прославившийся мужеством в том месте святой мученик Коллуф и сказал: “Сегодня ты пойдешь к своему Господу и узришь всех святых. Потому приди разделить вместе с нами трапезу в монастыре”. Блаженная, встав рано поутру, оделась, положила в свою корзинку хлеба, оливок и несколько овощей и после столь многолетнего затворничества отправилась в храм мученика. Здесь она помолилась, села и целый день выжидала времени для вкушения. В девятом часу, когда пришло время вкушить пищу и в храме уже никого не было, она выложила снедь и обратилась к мученику с молитвой: “Благослови, святой Коллуф, пищу мою, и да сопутствуют мне молитвы твои!” После того, сев, вкусила. Потом, еще помолившись, пришла домой около захода солнца. Здесь передала она матери своей толкование строматописца Климента⁷ на пророка Амоса со словами: “Передай это епископу, посланному в заточение, и скажи ему, чтобы он помолился обо мне, я отхожу ко Господу”. В ту же ночь она скончалась: не страдав ни горячкой, ни головной болью, она сама себя приготовила к погребению и предала дух свой в руки Божии».

Преподобная
ЕВПРАКСИЯ
ТАВЕННСКАЯ
(Константинопольская)
Младшая⁸

При Феодосии Великом (379–395 гг.) правителем Ликий⁹ был его родственник, сенатор Антигон. Но не за узы родства ценил своего вельможу император, а за обширный ум, честность и благочестие. Во всех важных случаях Феодосий обращался к нему за советом. В жилах супруги Антигона, Евпраксии, также текла царская кровь. И опять же не за это уважал ее император (да и весь двор), а за дела милосердия, ум и кроткий нрав.

После рождения дочери, которую нарекли по имени матери Евпраксией, супруги вознамерились постепенно отрешиться от светской жизни и проводить время более в молитве и воздержности, забываясь о собственном усовершенствовании и воспитании девочки. Но не прошло и года после сего, как Антигон покинул этот мир, оставив младенца-дочь и вдову во цвете лет. Константинополь был поражен потерей деятеля доброго, влиятельного, которому

трудно найти достойную замену. Император с супругой оплакивали Антигона как невосполнимую потерю, твердую опору трона и при этом прилагали все усилия, чтобы утешить молодую вдову.

Когда Евпраксии Младшей минуло пять лет, император, ставший опекуном девочки, убедил ее мать обручить дочь с сыном уважаемого сенатора, достоинства которого вполне оправдывали этот выбор. Мать согласилась. В то время как Евпраксия Старшая занималась будущностью дочери, ее собственной руки искал другой вельможа. Он действовал втайне от Феодосия через придворных дам императрицы. Та приняла участие в этом матримониальном деле, не сказав ничего супругу из опасения, что Феодосий, которому была известна твердая решимость Евпраксии посвятить свое вдовство Богу, может воспротивиться.

Получив через императрицу столь неожиданное предложение, вдова, нимало на сомневаясь, отказала, и отказала так, чтобы отнять у искателя даже малейшую надежду. Феодосий, узнав обо всем, остался недоволен вмешательством супруги, тем более втайне от него. Это обстоятельство сделалось причиной некоторого охлаждения между Феодосием и императрицей, что с печалью заметила Евпраксия. Опасаясь, чтобы ее молодость, красота и богатство не вызвали других на подобные искания, она решила отправиться в Египет под предлогом обозрения своих обширных имений.

По дороге она посетила многие монастыри, которые были известны и в Константинополе, и везде оставляла щедрые пожертвования. Один из таких монастырей особенно поразил Евпраксию. Это была Тавеннская женская обитель аммы Феодулы, которая славилась строгостью правил. Проживало в ней сто тридцать сестер. Там не употребляли ни плодов, ни масла, ни рыбы, а питались только овощами без всякой приправы; в непостные дни имели одну трапезу под вечер, в посты же принимали пищу раз в два, три или четыре дня, по силе сестер. Мытье, по жаркому климату обыкновенно признаваемое совершенно необходимым, отвергалось как непристойная в отшельническом состоянии роскошь плотоугодия; спали на чрезвычайно узких и коротких власяницах; одевались в хламиды из плохо обработанной козьей шерсти.

Жизнь сестры проводили в молитве и неустанной работе — по мере сил каждой. В болезни не прибегали ни к каким медицинским пособиям, веруя, что воля Божия властна целить и без лекарств, а потому спокойно и с молитвой ждали или продолжения жизни, или же непостыдного и мирного конца. Но при таком-то суровом жителстве смертность в этих монастырях всегда была значительно меньше, нежели в городах, а средний срок жизни гораздо продолжительнее, так что старицы за семьдесят-восемьдесят и даже до ста лет не считались редкостью, и, что

еще важнее, они до глубокой старости сохраняли ясность ума, прозорливость, силу воли и необоримую твердость духа.

Святость жизни этих отшельниц свидетельствовалась чудесными явлениями. Из близких и дальних мест люди стекались просить молитв о прекращении болезней, бедствий; являлись огорченные, изнемогавшие под тяжестью грехов, преступлений, мучений совести, беснования, — словом, во всех случаях, в которых человеческая сила оказывалась бессильной. И за молитвы истинно верных Господу приходившие получали утешение, облегчение и исцеление, потому что совершалось все сие Самим Богом.

Евпраксия часто посещала эту обитель с дочерью, которой шел уже восьмой год. Она приносила свечи, елей и ароматы, ибо ничего более в обители не принимали и раз отказались взять тридцать фунтов золота, объяснив, что сестры могут принять разве только предметы строго необходимые, о которых и сказано выше.

Настоятельница любила заниматься с маленькой Евпраксией. Желая знать, как действует на ребенка, с самого рождения окруженного роскошью, суровая отшельническая жизнь, она спросила у Евпраксии, нравится ли ей монастырь.

— Очень, — отвечала девочка, — так нравится, что я осталась бы с большой радостью навсегда у вас, если бы не боялась опечалить этим матушку.

— А кого же вы любите более, — снова задала вопрос настоятельница, — нас или жениха, которому вы обручены?

— Я совсем не знаю его, да и он меня не знает, вас же я знаю и люблю. Но вы сами скажите, кого любите более, меня или моего жениха.

— Мы очень любим вас, — сказала старица, — но превыше всех и всего в мире мы любим Господа нашего Иисуса Христа.

— И я, и я, — воскликнула девочка, — вас очень люблю, а более вас и более всего люблю и всегда буду любить одного Иисуса Христа.

Когда же пришло время расставаться с обителью, Евпраксия спокойно и с особенной твердостью объявила матери, что желает остаться в монастыре. Никакие убеждения и просьбы не могли поколебать ее намерения; его приписали более детскому своенравию, нежели душевному влечению, а потому мать согласилась позволить ей переночевать в обители в уверенности, что дочь не пожелает остаться долее. Утро убедило всех в ошибочности такого мнения: намерение маленькой Евпраксии не только не ослабло, но окрепло за ночь. Не действовали ни просьбы матери, ни даже замечание настоятельницы, что если она точно хочет остаться, то должна будет посвятить себя Иисусу Христу, выучить наизусть всю Псалтирь, поститься и почти не спать. Ребенок согласился с радостью на все.

Эта решимость была так необыкновенна, особенно при совершеннейшем послушании, кротости и нежной любви Евпраксии к матери, что настоятельница заметила последней: «Не Сам ли Бог, милосердием Своим, внушает вашей дочери такое желание разделить с нами суровую нашу жизнь? Оставьте ее. Ваша набожность, вера покойного отца, добрые ваши дела, общие ваши молитвы, быть может, открыли ей путь жизни избранной. Оставьте ее на время. Господь Сам укажет и ясно вразумит, как поступить непротивно Его святой воле».

Любовь Евпраксии Старшей к дочери была любовью не по плоти только, но любовью о Боге. Она подвела девочку к иконе Спасителя и, воздев руки к небу, произнесла: «Господь мой и Бог мой Иисус Христос! Прими это дитя под Твой покров! Оно желает только Тебя, Создатель и Спаситель наш! Только служению Тебе оно вполне посвящает себя, и я, мать, только Тебе одному веряю и отдаю мою дочь. Да будет на ней проявлена святая Твоя воля». Потом, обняв дочь, сказала: «Создатель, утвердивший горы на незыблемом основании, да утвердит тебя, любимая о Нем дочь моя, в спасительном страхе Своем»!

Через несколько днейamma Феодула облекла девочку в отшельническую одежду. «Царь веков, — молилась она, — Сам доверши в ребенке этом дело освящения, Тобой Самим начатое! Благоволи наставить ее, поддержать и укрепить; во всем да последует

она лишь Твоей Божественной воле да возложит на Тебя всякое упование».

— Довольна ли ты новым нарядом? — спросила Евпраксия дочь.

— Я люблю этот наряд более всякого другого, — отвечала та, — потому что Христос дает его только избранным Своим невестам.

— Да соделает же Он тебя вполне достойной милости такого избрания! — И Евпраксия, простившись с дочерью, оставила обитель.

Вступая в одинокую жизнь, она положила избрать себе и новую дорогу. Продолжая дела милосердия, Евпраксия стала строже к себе, перестала употреблять вино, мясо, рыбу и ела только овощи один раз в день. Так, в духовных подвигах Евпраксия Старшая приблизилась к концу жизни. Скорое отшествие из мира сего было открыто настоятельнице обители, где осталась ее дочь. Амма Феодула видела во сне Антигона в сияющем свете; он просил у Господа дозволения привести свою супругу. Настоятельница рассказала сон свой самой Евпраксии, бывшей тогда в обители. К тому времени Евпраксия уже считала только Небо отчизной своею и, узнав о близости конца, благодарила Господа за знак милости Его к ней и просила довершить милость упокоением ее в обители святых Его.

Когда мать передала дочери весть о близости своей смерти, Евпраксия Младшая рыдала неутешно, почти до отчаяния. Мать, чтобы успокоить девочку,

напомнила ей, что она дала обет любить более всего Господа Иисуса. «Вот тебе, — говорила она, — заветное любимой тобою матери: “Люби Господа Иисуса, уважай сестер твоих, не смей никогда думать, что они ниже тебя и могут служить тебе, будь нищей в мыслях своих, чтобы пользоваться сокровищами духовными; ты теперь владеешь всем состоянием моим, доставляй нужное для обители, моли об отце твоём и обо мне, да дарует Господь нам милостивое прощение”». Спустя три дня она скончалась и была похоронена в монастыре. Произошло это в 393 году. Русская Православная Церковь почитает Евпраксию Старшую как преподобную и совершает день ее памяти 12 января.

Узнав о смерти Евпраксии, император повелел сказать о том сыну сенатора и известить, что его невеста приняла иночество и тем поставила преграду между ними. Потом, уступая просьбам сенатора, написал сам Евпраксии и просил ее возвратиться в Константинополь, чтобы вступить в обещанный брак. Евпраксия отвечала императору: «Неужели хочешь ты, добрый император, чтобы раба твоя оставила Христа вечного для человека смертного? Ведь он может быть завтра пищей червей. Да избавит меня Бог от этого преступления! Повели лучше этому человеку не беспокоить тебя и забыть о той, которая не в состоянии нарушить обета, данного Господу. Умоляю тебя в память о моих родителях разделить все оставленное ими имущество между

бедными, сиротами и церквами. Уверена, что ты помнишь о родителях моих, и особенно об отце, который пользовался доверием твоим. Именем его и матери моей прошу тебя обратить все богатство их на дела, угодные Богу, дать свободу всем рабам и простить долги должникам. Благоволи распорядиться всем, чтобы свободно могла я служить Господу. Молите Господа с доброй императрицей, чтобы удостоилась я быть достойной рабой Христа Господа».

Евпраксии не много понадобилось времени, чтобы написать этот ответ. Она не сочиняла его, он вылился прямо из сердца. Письмо было отправлено с тем гонцом, который привез ей послание императора.

Много плакали знатные родственники, прочитав ответ девицы, которая могла бы стать украшением двора. Письмо огласили в сенате и передали решение Евпраксии ее жениху. Император же повелел немедленно исполнить желание Евпраксии относительно ее имущества, находившегося и в Константинополе, и в других местах.

Евпраксии было тогда только двенадцать лет, но успехи ее в жизни духовной превосходили ее возраст. Освободясь от забот об имени, она предалась служению Господу.

Прежде всего усилила пост. Сперва она принимала пищу один раз в сутки, потом — раз в два и три дня. Юная подвижница несла самые низкие

послушания, не обращая внимания на слабость сложения, не соразмеряя труда со своими силами. Добросовестно и точно она выполняла любую работу — от самой грязной до самой чистой и тонкой.

Евпраксия была встревожена, когда начались первые нападения дьявола: ее стали осаждать нечистые помыслы. Она усилила пост, испросив у настоятельницы позволения проводить неделю без всякой пищи. По наставлению сестры Юлии, данной ей в руководительницы, она открывала настоятельнице состояние души своей при каждом таком искушении, даже мимолетном.

Амма Феодула внимательно и осторожно, как опытная последовательница Христа, вела Евпраксию как бы по ступеням к высокой жизни. Евпраксия подчинялась безмолвно не только в том, что было легко и приятно, но и в том, что оскорбляло самолюбие. Смирение, усвояемое все более и более, уравнивало для нее дорогу к высоким подвигам.

На двадцатом году Евпраксия расцвела, несмотря на то что жизнь, которую она проводила, казалось бы, не способствовала физической красоте. В каждом ее движении чувствовалась то, что называется породой, аристократизмом. И настоятельница подвергла ее жестокому испытанию. Она приказала перетаскать груду камней с одного места на другое. Некоторые из камней были столь тяжелы, что и двум сестрам справиться было трудно, но Евпраксия перетаскала. Амма Феодула приказала

перетаскать их на прежнее место. Евпраксия исполнила. Тридцать раз настоятельница приказывала таскать камни с одного места на другое. И Евпраксия тридцать раз таскала их, и с каждым разом, как замечали сестры, она становилась все радостнее и радостнее.

Твердость Евпраксии в подвижничестве была редкой. Она читала вслух сестрам целыми часами, готовила им пищу, прибирала, чистила кельи, мела двор, колола и носила дрова, месила тесто и пекла хлеба. Вместе с тем не оставляла она и молитвы — утренних молитв, третьего, шестого и девятого часа и всех служб. И при всех трудах она не только не истощалась силами, но укреплялось ее здоровье.

Но враг рода человеческого вознамерился искусить ее сердце. Господь попустил одной сестре восстать против нее по зависти. Сестра по имени Германа, низкого происхождения и низкой души, из тех, которые живут в монастыре на испытание другим, стала обвинять Евпраксию в лицемерии и честолюбии, утверждая, что та столь строго постится лишь с тем, чтобы привести в смущение сестер и заслужить место настоятельница. Девица, с детства отказавшаяся от огромного богатства, от высокого положения в свете, от родства с императорским семейством и от почетного брака, истязала себя, как мученица, чтобы сделаться старшей среди сотни простых монахинь монастыря, затерянного в пустынях?!

Евпраксию не оскорбляли упреки Германы, она кротко говорила, что трудится, исполняет молитвенное правило и постится только по распоряжению настоятельницы, не позволяя себе ничего без ее воли. Она даже кинулась в присутствии сестер к ногам Германы, прося простить ее, грешную.

Узнав обо всем, амма Феодула призвала Герману и после строгого внушения пред всей общиной назначила ей особое послушание, сказав, что она недостойна жить с другими сестрами. Но Евпраксия, сердце которой страдало от чужой печали гораздо более, нежели от собственных огорчений, неотступно в течение месяца просила настоятельницу помиловать виновную. Видя, что просьбы не действуют, Евпраксия уговорила сестру Юлию склонить всех старших в монастыре исходатайствовать у настоятельницы прощение Германе. Усиленная мольба сестер была принята: виновную простили.

Не сумев победить смирение и любовь Евпраксии, враг начал ожесточенно нападать на тело. Ушибы, удары, падения следовали один за другим. Раз он столкнул ее в глубокий колодезь, из которого она черпала воду; в другой раз сбросил с верхнего этажа; после опрокинул на нее котел с горячей пищей; а когда колола она дрова для общей кухни, толкнул, и она рассекла себе ногу до того, что, обливаясь кровью, упала без чувств. Только особенным покровом Божиим избавлялась Евпраксия от смерти.

Присутствие духа Божия в Евпраксии открылось нечаянным образом. Слава о добродетельной, благочестивой жизни в этой обители, как уже было сказано, распространилась по всей стране; женщины обыкновенно приносили больных детей, прося сестер вымолить им исцеление. Однажды мать принесла ребенка, пораженного параличом, лишенного слуха и языка. Амма Феодула велела Евпраксии принять несчастную мать и ее больного сына.

Увидев дитя, Евпраксия была тронута до глубины души; она осенила его крестным знамением и произнесла: «Бедненький! Да исцелит тебя Милосердый Создатель!» Потом взяла ребенка на руки и понесла к настоятельнице, но едва прошла несколько шагов, как больной соскочил с ее рук, спросил о своей матери и весело побежал к ней, как будто бы никогда не был поражен параличом.

После этого опыта амма Феодула поручила Евпраксии ходить за бесноватой, давно жившей в обители. Ее держали в цепях, да и то не смели подходить к ней, пищу подавали ей в корзине на длинном шесте. Когда Евпраксия хотела накормить бесноватую, она заскрежетала зубами и кинулась на нее. Святая дева погрозила несчастной жезлом настоятельницы — и бесноватая утихла. Потом приняла пищу из рук Евпраксии. С тех пор Евпраксия свободно, без опасения прислуживала больной, к которой никто другой не смел подойти. Гордая и завистливая Германа раз вызвалась: «И я могу кормить

эту несчастную». Она подошла к ней, но бесноватая бросила ее на землю, изорвала на ней одежду и начала кусать и терзать ее. Евпраксия, прибежав, спасла окровавленную Герману от бесноватой.

После усердных молитвенных вопрошаний Господа амма Феодула объявила Евпраксии, что по воле Бога на нее возлагается великое послушание — изгнать злого духа из бесноватой. Та была глубоко смущена этим поручением. Простершись пред иконой Спасителя, сознавая свою немощь, призывала подвижница помощь Божию. Когда она отправилась к бесноватой, сестры следили издали, что будет. Подойдя к бесноватой, Евпраксия говорит: «Да исцелит тебя Господь мой Иисус Христос, создавший тебя». Вдруг все слышат голос: «Как? Столько лет живу я тут, а эта нечистая и похотливая хочет выгнать меня?» Евпраксия сказала: «Не я выгоняю тебя, а Христос Бог». — «Не выйду, поганка», — кричал дух. «Я точно поганая, полная всякой нечистоты, — говорила Евпраксия, — но повелевает Господь: выходи из нее». Как ни упирался бес, наконец, при сильной молитве Евпраксии ко Господу, с криком вышел. Евпраксия омыла бывшую больную, жившую дотоле в отвратительной нечистоте, одела и привела к настоятельнице.

После сего события Евпраксия жила недолго: она созрела уже для жизни небесной. Бог открыл амме Феодуле в вещем сне, что кончина ее духовной сестры близка и исполнится предсказание

через девять дней. Настоятельница скрыла свою печаль и лишь за день сказала сестрам, что близок конец Евпраксии. Сестры поражены были глубокой скорбью. Сама преподобная, услышав от Юлии известие, упала на землю без чувств. По смирению считала она себя вовсе не готовой к той жизни и молилась вслух так: «Господи! Оставь для земной жизни хоть один год, дабы могла я покаяться в грехах».

Внезапно открылась горячка. Евпраксия слегла. Всю ночь пробыли при больной настоятельница и Юлия. Приклонясь к уху Евпраксии, Юлия просила ее умолить Господа, когда она явится пред лице Его, чтобы и ей, ее сопостнице и сокелейнице, Он даровал милость вскоре последовать за возлюбленной сестрой, с которой она была неразлучна здесь и всей душой желала не разлучаться и там.

Утром сестры простились с умиравшей, и под их тихие молитвы Евпраксия отошла в мир иной. Произошло это на тридцатом году ее жизни, в 410 году. День памяти преп. Евпраксии совершается 25 июля.

Юлия, как рассказывает житие преподобной, провела на ее могиле в слезах и молитве три дня, а затем пришла к настоятельнице и с радостью объявила, что Евпраксия умолила Творца и ее берут туда. На другой же день, простясь с сестрами, спокойно скончалась. Прошло не более месяца, как и амме Феодуле возвещена была та же милость. Она объявила о том сестрам и предложила избрать себе руководительницу. Избрана была сестра Феогния.

Настоятельница завещала ей: «Умоляю тебя именем Святой Троицы не искать имений и богатства, не занимать сестер заботами о временном, пусть они дорожат одним Небом. Вы же, дорогие сестры, — обратясь к ним, сказала она, — старайтесь подражать блаженной Евпраксии, если хотите разделить ее небесное блаженство».

Расставшись со всеми, игуменья заперлась в молельной, и на другой день нашли ее умершей. Евпраксия, Юлия и игуменья Феодула положены были в одной могиле.

Автор жития преп. Евпраксии¹⁰ пишет, что еще долго после смерти преподобной на ее могиле совершались чудеса. Больные исцелялись, бесноватые освобождались от духа злобы, печальные, сокрушенные сердцем почерпали отраду, крепость и силу духа.

Содержание

ПОДВИЖНИЦЫ ВЕРХНЕГО ЕГИПТА	5
Преподобная Исидора Тавеннская, Христа ради юродивая	7
Преподобная Таисия Египетская (Фивайдская)	15
Амма Талида, дева Таора и другие отшельницы Фивайдские	21
Преподобная Евпраксия Тавеннская (Константинопольская) Младшая	24
Преподобные Афанасия и муж ее Андроник	40
ПОДВИЖНИЦЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ АЛЕКСАНДРИИ	49
Преподобная Синклитикия Александрийская	52
Преподобная Сарра Египетская	70
Преподобная Феодора Александрийская	73
Преподобная Пиама (Пиамун) и дева Александра	77
Преподобная Евфросиния Александрийская	81
Святая Фомаида Александрийская	85
Преподобная Феодора Александрийская Младшая	89

Преподобная Аполлиария	93
Преподобная Анастасия Патрикия	96
ПОДВИЖНИЦЫ ПАЛЕСТИНЫ	99
Блаженная Клеопатра	101
Из Рима в Палестину	105
Преподобная Павла Римская	106
Преподобная Евстохия	123
Павла Младшая	136
Преподобная Мелания Старшая	139
Преподобная Мелания Римляныня (Младшая)	151
Преподобная Зоя	187
Преподобная Пелагия	189
Преподобная Мария Египетская	202
ПОДВИЖНИЦЫ СИРИИ	219
Преподобномученица Феврония	223
Исповедница Поплия Антиохийская	228
Святая праведная Сандулия (Яздундокта)	230
Преподобная Пансемния Антиохийская	235
Преподобные Марана (Марина) и Кира	238
Преподобная Домнина Сирийская	242
Святая праведная Марфа	245
ПОДВИЖНИЦЫ МАЛОЙ АЗИИ	251
Святая праведная Нонна Назианзская	255
Святая Горгония, в мире почившая	263

Исповедница Макрина Старшая	270
Преподобные Емилия Каппадокийская и Макрина Младшая	275
Блаженная Магна	289
Преподобная Ксения Миласская	291
Мария Эгисская	294
Преподобная Феодора Кесарийская	296
Преподобная Анфиса (Анфуса) Старшая	299
Преподобная Анна Вифинская	302
ПОДВИЖНИЦЫ КОНСТАНТИНОПОЛЯ	305
Святая праведная Олимпиада, диакониса	307
Кандида и Геласия	318
Святая благоверная царица Пульхерия	320
Преподобные Домника и Мавра	328
Преподобная Матрона Константинопольская	330
Преподобная Елисавета Чудотворица	335
Преподобные Евстолия и Сосипатра	338
Преподобная Анфуса Омонийская	340
Святая праведная царица Феодора	342
Примечания	346
Литература	360

